

УДК 342.565.2

ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СУДОВ КАК ИСТОЧНИКИ ПРАВА

Р.Х. Валиахметов, советник судьи Конституционного суда Республики Татарстан

Традиционная система источников российского права во главе с федеральной Конституцией давно принята научным сообществом¹. Вместе с тем теория отнесения актов судебных органов, в частности решений органов конституционного правосудия, к источникам отечественного конституционного права имеет как своих сторонников, так и противников.

В одной из наиболее известных публикаций, авторы которых выступают против признания за судебной практикой качества источника права, говорится, в частности, что «...в целом судебная власть в наших условиях может и должна утверждаться и развиваться в русле современного конституционного правопонимания, на основе и в границах строгого и последовательного соблюдения принципа разделения властей и требований конституционно-правовой законности. С такой правовой перспективой явно расходятся представления о наделении российского суда не принадлежащими ему и не присущими его природе правотворческими полномочиями. Судебная практика — не «источник права» (в смысле судебного правотворчества), а реальность действия, применения и защиты права. Это важно как само по себе, так и для совершенствования и развития права. В этом смысле можно сказать, что судебная практика, не будучи правотворчеством, является одним из важных источников для правотворчества. Но последнее относится к полномочиям других властей».²

Другие ученые относят решения конституционных (уставных) судов к

юридическим актам особого рода, «которым присущи нормативно-интерпретационный характер, обобщенность и общеобязательность»³. Характеризуя правовые последствия решений региональных судов конституционной (уставной) юстиции, В.А. Кряжков пишет о том, что они «...обладают свойствами юридической силы закона, когда ими легитимируется проверяемый акт или, напротив, он аннулируется в целом либо в какой-то его части»⁴. Ж.И. Овсепян также считает, что «...хотя напрямую принцип нормативности итоговых решений конституционных (уставных) судов не сформулирован, но он логически следует из особенностей содержания этих решений, поскольку ими подтверждаются либо отменяются нормативные акты. Нормативный характер проверяемых актов как бы «передается решениям конституционного (уставного) суда, оценивающим эти акты»⁵.

По мнению А.С. Шабурова, «...судебные органы России не обладают правотворческой компетенцией. Их акты — это акты толкования. Судебный прецедент в нашей стране не считается источником российского права. В науке предложено решение указанного противоречия: предписания общего характера, содержащиеся в актах официального толкования, надо считать не нормами, а правоположениями, которые имеют юридическое значение. Последнее проявляется в том, что правоприменительные органы (например, суды) должны при решении конкретных вопросов учитывать содержание правоположений. Однако правоположения,

не будучи юридическими нормами, не могут составлять основу правоприменительных решений. Правотворческие органы, в свою очередь, должны следить за правоприменительной практикой и оперативно вносить изменения в действующее законодательство, базируясь на сформировавшихся правоположениях».⁶

Некоторые исследователи считают, что деятельность конституционных судов, в частности, Конституционного Суда Российской Федерации, не должна быть источником прецедентного права. Даже правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации является всего лишь «особым видом преюдиции».⁷

Другие, напротив, признают акты Конституционного Суда России в качестве источника права. Так, Г.А. Гаджиев, например, исходит из того, что они представляют собой судебные прецеденты.⁸ Б.А. Страшун, напротив, отрицает прецедентный характер решений Конституционного Суда. По его мнению, «...решения... Конституционного Суда, даже разрешающие конкретные дела о конституционности законодательных и некоторых других правовых норм высокого уровня,— это не прецеденты, потому что подобные дела разрешить никакой другой суд не компетентен». Он считает их нормативными актами особого рода.⁹

В.А. Сивицкий и Е.Ю. Терюкова утверждают, что решения Конституционного Суда могут иметь нормативную природу.¹⁰ В.И. Анишина полагает, что они «фактически имеют силу нормативного акта».¹¹ Б.С. Эбзеев высказывает суждение, что все решения Конституционного Суда Российской Федерации являются источниками права и им присуща материально-правовая сила закона.¹²

Определяя возможность судов выполнять нормотворческие функции и степень обязательности их актов, необходимо также указать на тот факт, что судебное решение признается в качестве источников права в государствах, в том числе не относящихся к прецедентной системе права. Так, в соответствии с пунктом 2 § 31 Закона «О Федеральном конституционном суде ФРГ»: «По делам, указанным в § 13 п. 6, 11, 12 и 14,

решение Конституционного суда имеет силу закона. Это положение действует также в отношении дел, указанных в § 13 п. 8а, в случае, если Федеральный конституционный суд признает закон соответствующим или не соответствующим Основному закону либо объявляет его недействующим».¹³ Характерно, что указанные положения содержатся как в общефедеральном законодательстве Германии, так и в законодательстве субъектов Германской федерации. Например, пункт 2 § 25 Закона «О Конституционном суде земли Тюрингия» также определяет, что в случаях, когда Конституционный суд выносит решение по конституционным жалобам лиц, общин и объединений, а также относительно того, соответствует ли право земли по своей форме и содержанию Конституции или соответствует ли закон земли Конституции, — резолютивная часть решения имеет силу закона, если Конституционный суд признает правовое предписание не соответствующим Конституции либо не имеющим силы.¹⁴

Таким образом, несмотря на неоднородность взглядов в вопросе отнесения судебной практики к источникам права, а также различные подходы к определению ее места в правовой системе государства и правовой природе, позиции сторонников признания судебной практики как источника права представляются более убедительными. По нашему мнению, следует согласиться с точкой зрения М.А. Митюкова и А.М. Барнашова, которые утверждают, что «...те функции, что выполняют итоговые решения конституционного (уставного) суда, объективно придают им статус нормативности. Это функции: непосредственной интерпретации конституции (устава), обязательной для всего последующего правотворческого процесса органов государственной власти субъекта Российской Федерации, восполнения конституции (устава) и преодоления пробельности в законодательстве, разрешения противоречий внутри конституционного (уставного) текста, выявления конституционного смысла в текущем законодательстве и, наконец, «негативного законодателя». При этом фактически модернизируются существующие или появляются

новые правовые нормы и утрачивают силу действующие. Все это сближает деятельность нормотворческих органов и конституционного (уставного) суда»¹⁵.

Безусловно, закрепленные в законодательстве субъектов Российской Федерации полномочия конституционных (уставных) судов и юридическая сила их решений (общеобязательность, окончательность, непосредственность действия, непреодолимость и императивность) позволяют сделать обоснованный вывод о том, что эти решения являются источниками права. В этом смысле полагаем, что самостоятельным источником права является постановление конституционного (уставного) суда, признающее положение нормативного правового акта соответствующим или не соответствующим конституции (уставу).

Выводы региональных конституционных судов о неконституционности нормативных правовых актов ведут к утрате юридической силы оспариваемых актов и невозможности их применения. Следствием такого «аннулирования» акта путем воздействия юридической силы решения конституционного (уставного) суда является изменение нормативного правового регулирования, что обычно квалифицируется как «негативное правотворчество»¹⁶. Нормативность указанных позиций судов субъектов Российской Федерации заключается также и в том, что они служат основанием для отмены в установленном порядке положений других нормативных актов, основанных на нормативных актах, признанных неконституционными, либо воспроизводящими их, или содержащими такие же положения, какие были предметом обращения. Положения этих нормативных актов не могут применяться судами, другими органами и должностными лицами. Кроме того, на будущее закрывается возможность принятия нормативных актов, аналогичных по содержанию актам, признанным противоречащими Основному закону субъекта Российской Федерации.

Нормативность постановлений конституционных (уставных) судов состоит также и в том, что, признавая те или иные нормативные положения некон-

ституционными, суды сохраняют их действие на определенное время и на определенных условиях. В таких случаях, принимая во внимание, что немедленное признание данных положений не соответствующими конституции (уставу) создаст пробел в правовом регулировании, при котором будет существовать возможность для нарушения нормального хода той или иной деятельности в соответствующих правоотношениях, а, следовательно, будет существовать возможность для нарушения прав граждан или юридических лиц в данных сферах, конституционные суды считают необходимым установить, что оспоренные нормы считаются утратившими силу через определенное время с момента провозглашения решения. В итоге действие не соответствующих Основным законам субъектов Российской Федерации нормативных положений сохраняется, однако такое сохранение с вступлением в силу решений соответствующих судов строится уже не только на воле изначально принявших их государственных органов и должностных лиц, но и на санкции судебного органа конституционной (уставной) юстиции.

В некоторых своих постановлениях органы конституционной (уставной) юстиции воздействуют на регионального законодателя после признания какого-либо нормативного акта неконституционным (а в некоторых случаях и не противоречащим нормам Основного закона), вызывая необходимость принятия новых или дополнительных актов. При этом суды ограничивают своими решениями, принятыми ранее, границы нормотворческой деятельности законодателя. Более того, суды нередко определяют необходимость регулирования тех или иных отношений, указывая законодателю на правовые пробелы. Тем самым органы региональной конституционной (уставной) юстиции способствуют развитию определенных институтов конституционного права.

Конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации по результатам рассмотрения обращений принимают также постановления о признании нормативного акта соответствующим Основному закону. В указанных решениях суды признают оспариваемые положения соответству-

ющими Основному закону, то есть общественные отношения продолжают регулироваться посредством тех же самых норм, коими они регулировались до рассмотрения нормативных актов в конституционном судопроизводстве. И некоторые правоведы склонны к утверждению, что в данных случаях суды не выходят за пределы нормативного акта и не говорят о нем больше, чем орган, принявший нормативный акт. В связи с этим принятие такого рода постановлений не относится к правотворческой деятельности.¹⁷ На наш взгляд, данная позиция выглядит весьма спорно. Ведь в этих случаях постановление конституционного (уставного) суда содержит специальную правовую норму, подтверждающую конституционность оспариваемого ранее положения, снимает существующую неопределенность относительно его соответствия Основному закону. Установленный судом факт соответствия нормы закона или другого нормативного акта конституции (уставу) субъекта Российской Федерации больше никем не может устанавливаться и должен признаваться всеми на территории субъекта России. Такой вывод суда также является окончательным и обжалованию не подлежит, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами. Он гармонизирует правоприменительную практику и вносит стабильность в правовое

регулирование. А обжалованная норма сама по себе уже не может применяться в отрыве от ее конституционно-правового смысла, выявленного конституционным (уставным) судом в процессе осуществления судопроизводства. Ведь, как установлено соответствующими региональными законами, регулирующими деятельность судебных органов конституционной (уставной) юстиции, конституционные (уставные) суды принимают решение, оценивая как буквальным смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему в том числе и правоприменительной практикой. И иногда реализация права бывает разбалансирована неоднородной правоприменительной практикой. В таких случаях органы региональной конституционной (уставной) юстиции признают конституционность того или иного нормативного акта, однако постановление, помимо традиционных формулировок о соответствии акта конституции (уставу), содержит также императивные и рекомендательные положения, которые, с точки зрения суда, являются необходимым дополнением к вопросам, рассмотренным по данному делу. Тем самым конституционный (уставный) суд имеет и реализует возможность совершенствования правовой системы и правоприменительной практики с позиции выявленного в рассматриваемом деле конституционно-правового смысла оспариваемых норм¹⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: *Габричидзе Б.Н., Ким-Кимэн А.Н., Чернявский А.Г.* Конституционное право: Учебник. М.: Проспект, 2003. С. 46.

² См.: *Нерсесянц В.С.* У российских судов нет правотворческих полномочий // Судебная практика как источник права. М., 2000. С. 112.

³ См.: *Кряжков В.А.* Конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации (правовые основы и практика). М.: Формула права, 1999. С. 106.

⁴ См. Конституционный судебный процесс. Учебник для вузов / Отв. ред. *М.С. Саликов*. М.: Норма, 2004. С. 209 (авт. гл. — *В.А. Кряжков*).

⁵ См.: *Овсепян Ж.И.* Становление конституционных (уставных) судов в субъектах Российской Федерации (1990—2000 гг.). М., 2001. С. 643.

⁶ См.: Теория государства и права / Под ред. *В.М. Корельского, В.Д. Перевалова*. М., 1997. С. 375 (авт. гл. — *А.С. Шабуров*).

⁷ См., например: *Мартынчик Е., Колоколова Э.* Прецедентное право: от советской идеологии к международной практике // Российская юстиция, 1994. № 12. С. 22; См.: Интервью с заместителем Председателя Конституционного Суда РФ Т.Г. Моршаковой // Законодательство, 1999. № 5. С. 3.

⁸ См. подробнее: *Гаджиев Г.А.* Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение, 1999. № 3. С. 81; *Гаджиев Г.А.* Ratio decidendi в Постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное правосудие, 1999. № 2. С. 4

⁹ См.: *Страшун Б.А.* Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источники права // Конституционное правосудие, 2001–2002. № 4–5. С. 155, 156.

¹⁰ См.: *Сивицкий В.А., Терюкова Е.Ю.* Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источники конституционного права Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации, 1997. № 3. С. 75.

¹¹ См.: *Анишина В.И.* Применение Постановлений Конституционного Суда РФ судами общей юрисдикции // Российская юстиция, 1999. № 11. С. 23.

¹² См.: *Эбзеев Б.С.* Толкование Конституции Конституционным Судом РФ: теоретические и практические проблемы // Государство и право, 1998. № 5. С. 5–12.

¹³ См.: Цитируется по статье Ю.В. Гаврюсова «Юридическая сила решений конституционных (уставных) судов//Юридическая природа актов конституционных судов Республики Болгарии и Российской Федерации. София: Изд-во универ., 2004. С. 97.

¹⁴ См.: *Кровельщикова В.В.* Закон о Конституционном суде земли Тюрингия от 28 июня 1994 г. (перевод, пояснения) // Дайджест оперативной информации «Акты конституционного правосудия субъектов Российской Федерации». М., 2001. № 11. С. 133–137.

¹⁵ См.: *Митюков М.А., Барнашов А.М.* Очерки конституционного правосудия (сравнительно-правовое исследование законодательства и судебной практики). Томск: Изд-во Том. ун-та., 1999. С. 378.

¹⁶ Термин введен в оборот родоначальником нормативизма, австрийским профессором Гансом Кельзеном. В теории Кельзена понятие права охватывает не только общеобязательные нормы, установленные государственной властью, но и процесс их реализации на практике. «Применение права есть также и создание права», — писал он. С концепциями нормативизма связано также широкое распространение институтов конституционного контроля (создание специального органа конституционной юстиции впервые было предусмотрено в Конституции Австрии 1920 г.) (См.: Российская юридическая энциклопедия / Под ред. А.Я. Сухарева. М.: Инфра-М, 1999. С. 604, 605.

¹⁷ См., например: *Гаврюсов Ю.В.* Юридическая сила решений конституционных (уставных) судов // Юридическая природа актов конституционных судов Республики Болгарии и Российской Федерации. София: Изд-во университета, 2004. С. 96.

¹⁸ См.: *Васин А.Л.* Особенности применения решений конституционных (уставных) судов // Конституционное правосудие в Российской Федерации: правовое регулирование, опыт, перспективы. Казань, 2005. С. 241.